

ИВАН ИВАНОВИЧ ЛАППО

ПИСЬМА С. Ф. ПЛАТОНОВУ (1910–1918)*

Письма из Юрьева 1910–1911 гг.

* * *

[л. 4–6]
[27.12.1910]

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович!¹

Позвольте поблагодарить Вас за Ваше письмо, полученное мною 22 декабря, а вместе с тем поздравить Надежду Николаевну² и Вас с Рождественскими праздниками и наступающим Новым Годом.

Ваше пожелание, чтобы я представил мою книгу³ в качестве диссертации в Москву, а не в Петербург, окончательно убедило меня в правильности моего решения это сделать. Не скрою от Вас, что я довольно долго колебался в этом решении в последний год работы над моею книгою. С.-Петербургом я связан всею моею жизнью до 1905 года, когда я получил кафедру в Юрьеве, и Петербургский Университет для меня Университет родной⁴. Он привязал меня к себе теми трудно выражаемыми словами связями, которые неощутительно рождаются в годы студенчества между студентом и его *alma mater*; он дал мне подготовку к научной работе, рядом командировок создал для меня возможность архивной работы, дал мне материальные средства для напечатания магистерской диссертации⁵, удостоил меня степени магистра и допустил меня к университетскому преподаванию в качестве приват-доцента. Я не могу не чувствовать себя много обязанным родному Университету и не могу не сознавать своих связей с ним, хотя мне и суждено работать вдали от него.

Что касается Москвы, то связи с нею у меня стали образовываться сразу после окончания моего курса в Университете. Моя студенческая медальная работа получила доступ на страницы Чтений Общества Ист[ории] и Др[евностей] Р[оссийских] в то время, когда я и не мечтал о том, что она достойна быть напечатанною; больше того — я не думал о возможности открытия для меня жизненной дороги учёного и не делал со своей стороны никаких шагов для того, чтобы искать напечатания этой моей работы:

* Российская национальная библиотека. Ф. 585 Платонов С. Ф. Оп. 1. Д. 3344. Л. 4–39.

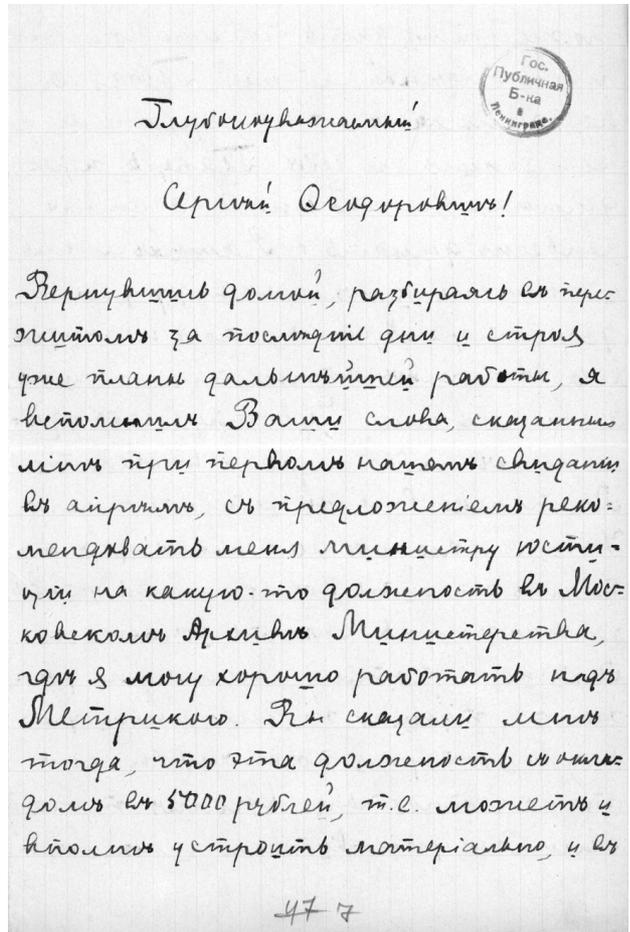
самое предложение напечатать её явилось для меня полною неожиданностью. Дальнейшие годы с их работою в Московских архивах всё больше и больше роднили меня с Москвою, и за первую мою книжкою на страницах Чтений увидели свет четыре мои работы. Призвав меня к рассмотрению книги, представленной для соискания премии Г. Ф. Карпова, учёная Москва ещё до получения мною степени магистра признала меня достаточно компетентным для разрешения вопроса об учёных достоинствах выдающегося научного труда⁶; затем она присудила мне самому премию за мою магистерскую диссертацию и, наконец, в 1906 году, совершенно неожиданно для меня, признала меня действительным членом Общества Ист[ории] и Др[евностей] Р[оссийских]. Всё это сделало для меня и Москву далеко не чужою. И ей я считаю себя много обязанным.

Но есть одна сторона, которая выдвигает для меня Москву особенно. Я привык создавать свои личные связи на основе общего дела с другими людьми, а не наоборот, т. е. не устанавливая сначала личные связи и уже затем через них идти к общему делу. Это, быть может, и недостаток во мне общности, но как-то вышло, что он во мне укреплялся, благодаря условиям моей жизни. Средняя школа, в которой я исключительно преподавал в Петербурге⁷ (те два семестра⁸, в которые мне пришлось читать лекции приват-доцента в Петербургском Университете, в силу самого характера приват-доцентских курсов, да и тревожности того времени в Университете, трудно считать преподаванием в настоящем смысле этого слова), дала мне как учителю много хорошего, и я всегда вспоминаю работу в ней с самым тёплым чувством и глубоким удовлетворением. Средней школе я был нужен, и в ней я был работником, ясно сознававшим, что для неё никогда не был лишним человеком. Далёко не то давали мне впечатления обстановки моей научной работы. Сложилось как-то так, что я стоял в Петербурге в стороне от той, так сказать, столбовой дороги, по которой пошли другие работники в области русской истории, и старше, и моложе меня⁹. Я лишь наблюдал их движение по этой дороге, сам в нём не участвуя и не видя себя нужным ни одному высшему учебному заведению или учёному учреждению Петербурга. Между тем ко мне подкралась середина четвёртого десятка жизни, время, когда для человека наступает пора окончательно определить своё жизненное дело, если он хочет что-нибудь сделать серьёзно. Я был уже почти не в силах разделять себя на две равные половины, т. е. на учителя и на научного работника, и, не имея возможности уменьшать число уроков, которые были единственным моим заработком, а в то же время чувствуя себя дальше не в силах продолжать служить двум богам — науке и средней школе, так много бравшей от меня времени и внимания, — с болью сознавал необходимость бросить научную работу, так как интересы средней школы, которые всё больше и больше привязывали меня к себе, сурово ставили крест на моей дальнейшей учёной работе. Но в это время подоспела кафедра в Юрьеве¹⁰, и я получил возможность всецело отдаться научной

работе. Создалось как-то так, что со мною как с научным работником Петербург не установил связей до самого недавнего времени, когда я был привлечён Археогр[афической] Комиссией к изданию Литовской метрики в качестве специалиста, живущего в ближайшем к Петербургу университетском городе¹¹. Живя в Петербурге, я являлся почти исключительно работником в области средней школы. Наоборот, в Москве все мои отношения образовались только на научной почве.

Всё это я передумывал мно-го раз, размышляя о необходимости докторского диспута. Заставлять Вас читать, признаюсь, мою в достаточной степени неудобочитаемую книгу решиться мне было нелегко, так как сам по своему профессорскому опыту знаю, что не всё бывает интересно в диссертациях и что далеко не всегда хочется тратить на них время. Не сомневаюсь, что в Вашем лице я нашёл бы в Петербурге и благожелательного, и компетентного судью, каким Вы показали себя на моём первом диспуте¹², но я не вижу в Петербургском университете второго оппонента, вполне знакомого с историей Западной России, а опыт моего магистерского диспута заставляет меня считаться и с этим обстоятельством, особенно теперь, когда за мною стоит университетская кафедра. В Москве мою книгу прочтут несколько человек, и, прежде всего Матвей Кузьмич¹³, в силу того, что она касается области их специального научного интереса, и я с большим спокойствием решаюсь задать ему и москвичам эту работу.

Если бы степень доктора не была необходима для ординатуры и улучшения материального положения, я бы её не искал вовсе. Я не изменил своего

отношения к научной работе, которое Вы определили на моём магистерском диспуте словами: «И[ван] И[ванович]! Вы работаете для науки, а не для учёных степеней». Спасибо Вам за эти дорогие для меня слова. От души благодарю Вас и за обещание быть на моём диспуте¹⁴, если я к нему буду допущен.

Искренне уважающий Вас И. Лаппо.

Юрьев

27 декабря 1910 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933) — историк, источниковед, археограф. Член-корреспондент (1908) Петербургской АН, академик (1920) Российской АН. Директор женского педагогического института (1903–1916). Председатель Археологической комиссии (1918–1929), директор Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР (1925–1929), Библиотеки АН СССР (1925–1928)). В 1893 г. И. И. Лаппо был учеником С. Ф. Платонова.

² Платонова (ур. Шамонина) Надежда Николаевна (1861/62–1928) — жена С. Ф. Платонова.

³ *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-Русский повет и его сеймик. Юрьев: К. Маттисен, 1911. XIII, 1, 624, 191, 1 с.

⁴ И. И. Лаппо окончил Санкт-Петербургский университет в 1892 г., в 1893 г. оставлен С. Ф. Платоновым для приготовления к профессорскому званию.

⁵ *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 780 с.

⁶ *Лаппо И.* Отчёт о десятом (на титульном листе «девятом». — Л. Д.) присуждении премии Г. Ф. Карпова Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском университете. Москва, 1903. 78 с.

⁷ И. И. Лаппо преподавал в Императорской Николаевской Цар-скосельской гимназии, Санкт-Петербургской Мариинской гимназии и Императорском Воспитательном обществе благородных девиц.

⁸ Приват-доцент И. И. Лаппо читал в Санкт-Петербургском университете курсы «Исторический обзор научной разработки истории Литвы и Западной Руси» и «История литовско-русской шляхты»: Обзорение преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете за 1904/1905 академический год. СПб., 1904. С. 20 (*Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета 1834–2004. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 162).

⁹ О магистерской работе И. И. Лаппо см., напр.: «По своему содержанию работа И. И. Лаппо примыкает к работам по литовско-белорусской истории М. К. Любавского и М. В. Довнар-Запольского и, строго говоря, плохо вписывается в направление петербургской школы». *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета 1834–2004. СПб., 2004. С. 123.

¹⁰ И. И. Лаппо был назначен экстраординарным профессором русской истории Юрьевского университета 13 мая 1905 г.

¹¹ Имеется в виду Юрьев Лифляндский, совр. Тарту.

¹² Защита магистерской диссертации И. И. Лаппо состоялась 3 февраля 1902 г.

¹³ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) — историк, профессор Московского университета, ректор Московского университета (с 1911); академик АН СССР (1929; чл.-кор. 1917). Магистерская диссертация «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Литовского Статута» (1892); докторская — «Литовско-Русский сейм» (1900). Подробнее см.: *Сидоров А. В., Старостин Е. В. Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 369–377.*

¹⁴ Защита докторской диссертации И. И. Лаппо состоялась 24 апреля 1911 г. в Московском университете. В письме от 19 мая 1911 г. к работавшему в Виленском архиве Древних актов археографу Ивану Яковлевичу Спрогису И. И. Лаппо писал: «Диспутом я не только доволен. Скажу просто: он был лучшею наградою, которую я когда-либо получал за свой труд почти двадцать лет работающего научного работника. Кончили мы наши разговоры во время диспута в какие-нибудь три часа, и мои оппоненты в своих отзывах щедро оценили мои слабые силы и мои работы. Оппонентами были проф. Любавский (теперь ректор Московского университета) и прив[ат]-доцент Готье. На диспут нарочно приезжал из Петербурга проф[ессор] Платонов, но не выступал на нём». (Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 6–63. Л. 48–49 об. Опубликовано: Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарии Л. В. Дубьевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 402).

* * *

[л. 7–8]
[1.05.1911]

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович!

Вернувшись домой, разбираясь в пережитом за последние дни и строя уже планы дальнейшей работы, я вспомнил Ваши слова, сказанные мне при первом нашем свидании в апреле, с предложением рекомендовать меня министру юстиции на какую-то должность в Московском Архиве Министерства, где я могу хорошо работать над Метрикою. Вы сказали мне тогда, что эта должность с окладом в 5000 рублей, т. е. может и вполне устроить материально, и в то же время дать полную возможность научной работы. Тогда я не вдумался в это предложение и не уяснил его себе. Теперь, передумывая всё это вновь, я стал серьёзно думать о Ваших словах, и, если они имели в виду должность директора Архива, то я не считаю себя вправе относиться к ним легкомысленно. Чувствуя себя одиноким работником в области Литовско-Русской истории после Унии, я должен на первом для себя плане ставить успеть за свою жизнь сделать возможно больше, а потому и не могу не дорожить такими жизненными условиями, которые позволяли бы мне так устроиться. Кроме того, если Вы действительно имели серьёзно в виду для меня

эту должность в случае выхода в отставку Самоквасова¹, то она устраивает и мою семью, давая ей здоровые условия жизни. Поэтому, если возможно, не откажите сообщить мне, как мне относиться к Вашим словам, сказанным Вами мне тогда, и могу ли я рассчитывать на то, что это дело действительно осуществимо. Моя жизнь слилась с моею научною работою, и я считаю сво-

им нравственным долгом не упускать возможности поставить себя именно в те условия, в которых работа эта может быть наиболее продуктивною.

У Палечека² был. Справки от него получил и очень благодарю Вас за его любезность, которою я, конечно, обязан Вашей карточке.

Позвольте ещё раз поблагодарить Вас от души за Ваше доброе ко мне отношение в дни, соединившиеся в моей жизни с моим диспутом. Низкий поклон Надежде Николаевне.

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо.

Юрьев

1 мая 1911 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1873–1911) — русский археолог, историк права, архивовед. Ординарный профессор истории русского права Варшавского (1873–1892) и экстраординарный профессор истории русского права Московского (1894–1911) университета. В 1892–1911 являлся директором Московского архива министерства юстиции.

² Палечек Николай Иосифович (1878–1937) — заведующий Разрядом учёных учреждений и высших учебных заведений Министерства народного просвещения (с 1909 г.). Вице-директор департамента Министерства народного просвещения (1917 г.). (Выражаю признательность П. А. Трибунскому за любезное предоставление этих данных. — Л. Д.).

* * *

[л. 9–10]
[6.05.1911]

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович!

Конечно, я не могу воспользоваться Вашим предложением. Произошло недоразумение. Его я, прежде всего, объясняю Вашим упоминанием

о ходатайстве перед министром юстиции, которое я никак не мог себе представить необходимым для назначений на второстепенные должности в Архиве. Окончательно же ввело меня в заблуждение Ваше упоминание 26 апреля о том, что должность Самоквасова имеет сделаться вакантной. Соединение этих двух разговоров и заставило меня понять Ваше предложение в том смысле, который мне представлялся единственно возможным. Таким образом, я должен лишь извиниться перед Вами за мою простоту и несообразительность.

Как учёный и давний профессор Вы, без сомнения, согласитесь со мною, что кафедра и почти двадцатилетняя работа исследователя заставляют меня беречь своё учёное имя и звание профессора, и должность подчинённого метриканта, конечно, не может быть ни в каком случае поставлена рядом с университетской кафедрой. В Юрьеве за шесть лет я уже завоевал себе известное положение и среди студентов, и среди своих коллег, что заставляет меня особенно осторожно относиться к переходу куда-либо. К тому же создалась уже привычка и к значительной самостоятельности профессора в его служебной деятельности. Из Юрьева, в конце концов, условия моей службы меня нисколько не гонят, и обстоятельства, которые могут меня заставлять желать его покинуть, — это трудность научной работы, которую можно делать лишь путём поездок в более богатые научными пособиями города, и нездоровые условия жизни для семьи. Но я постараюсь бороться с тем и другим по-прежнему и буду продолжать работать в Юрьеве, ожидая или соответствующих приглашений других, более удобных для научной работы университетов, или соответствующих конкурсов, не делая вперёд со своей стороны никаких шагов, чтобы ускорить своё расставание с нашим маленьким городком.

Ввиду всего этого, благодаря Вас за Ваше предложение, я очень прошу Вас ничего не делать для его осуществления.

Низкий поклон Надежде Николаевне.
Искренне преданный Вам И. Лаппо.

Юрьев
6 мая 1911 года.

Письма из Юрьева 1915–1918 гг.

* * *

[л. 16–17]
[25.01.1915]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

В Юрьеве получил кое-какие данные для суждения о положении так много обсуждавшегося с Вами дела и считаю необходимым поделиться ими с Вами. Имеются некоторые указания на то, что еретическая мысль

не оставлена¹. Когда я рассказывал Вам об историческом отныне заседании нашего Факультета, бывшем в начале декабря, я, кажется, забыл сообщить Вам, что большой друг Кр[ашениннико]ва² Озе³ настаивал на проведении зловредного предложения Кр[ашениннико]ва не через нашего министра⁴, а через министра двора⁵, прибавив при этом, что имеет к нему доступ и личные с ним отношения. 22 января было заседание на Учительских Курсах. Озе на нём не присутствовал, а на повестке написал о своём отъезде из Юрьева. Мне сказали, что он уезжал в Петергоф для приискания дачи. Однако настроение Кр[ашениннико]ва заставляет опасаться того, что дело тут не в одной даче. Имеются некоторые основания думать, что задуманы, а, может быть, и сделаны уже некоторые шаги в сторону министра двора, а, возможно, и предпринята попытка добиться личного представления героя всей этой истории Государю. Словом, едва ли оружие сложено. Боюсь, что мы в периоде нового развёртывания сил, как теперь постоянно пишут в обзорах военных действий. Определённо признать это не решился бы, но и скрыть от Вас своих опасений не могу — таковы люди, среди которых приходится жить! К тому же политика покойного Кассо⁶ дала им такую привычку к известным приёмам и уверенность в полном уничтожении из жизни понятий долга и чести, этих вредных вещей с точки зрения покойного министра!

Дела у нас происходят прямо удивительные. Кр[ашениннико]в делает визиты членам Совета, на которых считает возможным подействовать в пользу своего избрания в ректора⁷. Кому обещается орден, кому ординатура, кому пособие и другие блага! И г.г. профессора принимают его, выслушивают и поддакивают! Я никогда не думал о возможности такого нравственного безразличия, а между тем живу уже 46-й год, и немало видел на своём веку разных людей! История, которая вышла со мной к 1-му января в Министерстве, по-видимому, на часть юрьевцев произвела своё впечатление. В нём отразились и личность немногих профессоров, с которыми был о ней разговор: кто в душе доволен, кто стал относиться ко мне с опаской, а кто и искренне чувствует безобразие этого дела.

Не откажитесь передать от меня и жены⁸ наш привет глубокоуважаемой Надежде Николаевне.

Искренне преданный Вам И. Лаппо.

Юрьев
25 января 1915 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О предложении присудить степень доктора русской истории Николаю II см.: «На экстренном заседании историко-филологического факультета (Юрьевского университета. — Л. Д.) 3 декабря 1914 г. (присутствовали декан профессор Крашенинников, профессора Петухов, Грунский, Лаппо, Мазинг, Регель, Озе, Кудрявский, Цвет, Фельсберг и отсутствовал Тарле) было предложено присудить степень доктора

русской истории «Державному покровителю нашего университета Его Императорскому Величеству Государю... ввиду особо выдающихся заслуг Его Императорского Величества в области русской истории». По-видимому, предложению Крашенинникова в результате так и не дали хода». — *Тамул Сирье*. Тарту и его университеты (1905–1918 годы) // Университет и город в России (начало XX века). Ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 658–659.

² Крашенинников Михаил Никитич (1865–1932) — профессор классической филологии Юрьевского университета в 1896–1918 гг., профессор Воронежского университета в 1918–1929 гг.

³ Озе Яков Фридрихович (латыш. Jēkabs Osis, нем. Jakob Ohse, 1860–1919) — профессор философии Дерптского/Юрьевского университета в 1889–1918 гг.

⁴ Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945), граф, гос. деятель, с 9 января 1915 г. временно исполняющий обязанности министра народного просвещения, министр просвещения с 6 мая 1915 г. по 27 декабря 1916 г.

1911 (Сторина?)

Телеграмма.

Телеграфъ
29 Отделеніе
Въ Псковской Губ. Псковъ, 16

Изъ Карьева № 2585

Принята 27 го 11 с. 1/14

Разр.	Счетъ словъ.	Пована.
	29 т	27 12 30 д
		м. с. ч. м. пополу
		и.

№ 74/

Время Мон

С л о в е б н ы е о т л и ч и я :

Позвольте глубоко-уважительно сердечно поздравить одного из старейших членков вашего клуба дабы присоединиле къ нему привѣтствіемъ и почтительн который принимаетъ вашу сродня
Лаппо

57 11

⁵ Фредерик Владимир Борисович (1838–1927), граф, гос. деятель, министр императорского двора в 1897–1917 гг.

⁶ Кассо Лев Аристович (1865–1914) — гос. деятель, правовед, профессор Юрьевского (1892–1895), Харьковского (1895–1898) и Московского (1899–1910) ун-тов, преподаватель Константиновского межевого ин-та (1901–1906), министр народного просвещения (1911–1914).

⁷ М. Н. Крашенинников как «старший на службе декан» (с 1907 г., переизбран в 1911 г.) был исполняющим обязанности ректора с ноября 1914 г. по май 1915 г. (Анфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников: к портрету учёного и человека // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 393).

⁸ Лаппо (Конюшевская) Вера Антоновна (1874?–1944?) — жена историка профессора Ивана Ивановича Лаппо. (Исторический архив Эстонии — ИАЭ.1979.1.171. Л. 9).

* * *

[л. 18–19]
[7.02.1915]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

От души благодарю Вас за письмо и добрые вести. Очевидно, что благодаря Вам, дикое начинание Кр[ашениннико]ва окончательно обезврежено. Но я до сих пор не могу решить: какую бы меру воздействия по отношению к сему «герою» должна бы была принять власть — розги или смирительную рубашку. Последняя, пожалуй, была бы нужнее. Этот «ярыжный человечешка, с кабаков пропойца», как любил сочно выражаться Сильвестр Медведев, теперь купается в грязи по горло¹. Исправляя об[язанности] ректора, он лишил власти исп[равляющего] об[язанности] проректора, проф[ессора] богословия Царевского². У нас теперь все исп[равляющие] обязанности, ибо с октября не был созван Совет для избрания ректора и проректора (первый назначен в Вильну попечителем³, второй выслужил срок в сентябре)! Оба стремятся получать по 5–8 рублей в день за временное исполнение своих обязанностей. Теперь столкновение временных властей приняло характер скандала. Оба пишут друг другу официальные бумаги с запросами и ответами и жалуются властям, а так как оба они люди испытанные в литературной деятельности по отделу пасквилей и доносов, то воображаю, что у них получается в их литературных упражнениях! Царевский говорит, что он уже послал прошение министру о предании Кр[ашениннико]ва суду за превышение власти. Чем всё это кончится, предугадать нельзя. Но представляю себе положение нового министра! Часть профессоров не выдержала. 4-го февраля подано Кр[ашениннико]ву заявление о необходимости созвать Совет для избрания ректора и проректора. Я был в числе присоединивших свои подписи к этому заявлению. Пока, однако, результатов заявления нет, когда будут, неизвестно, ибо поденное вознаграждение за исполнение об[язанностей] ректора, видимо, заставляет «героя» откладывать созыв Совета сколько будет

возможно. На Щербакова⁴ надеяться не приходится. Он не показывается в Юрьеве и не вмешивается в дразги, которые приняли гигантские размеры. Он даже допустил исполнение Кр[ашениннико]вым обязанностей декана одновременно с ректорскими. Мечтаем о ревизии Университета. Раньше Ун[иверситет] обращали в клоаку г. г. студенты, а ныне г. г., и[справляющие] об[язанности] ректора и проректора. Немцы⁵, конечно, зло посмеиваются, и у них есть для этого основания! Кстати, о немцах. Из Риги получил письмо от неизвестного мне лично домовладельца. Хочет организовать конкурс на тему «Засилье немцев над русскими в Приб[алтийском] Крае после его присоединения к России». Просит меня быть экспертом. Премии автору даёт в 2000 р[ублей]. Написал М[ихаилу] К[узьми]чу⁶ — если тему несколько переключить и сделать её научною, Общество Ист[ории] и Др[евностей] Р[оссийских], думаю, возьмёт конкурс в свои руки.

Искренне преданный Вам И. Лаппо.

Вместе с женою шлём привет Вам и глубокоуважаемой Надежде Николаевне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Другие коллеги М. Н. Крашенинникова в своей переписке также позволяли себе «крепкие выражения» о нём. См.: *Анфертьева А. Н.* М. Н. Крашенинников: к портрету учёного и человека // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 389.

² Царевский Арсений Симеонович (1853–1920-е) — протоиерей (1894), профессор Юрьевского университета по кафедре православного богословия (с 1892), проректор университета в 1911–1914 гг.

³ Алексеев Виссарион Григорьевич (1866–1943) — профессор чистой математики Юрьевского университета с 1895, в 1908–1909 проректор, в 1909–1914 и 1917–1918 ректор Юрьевского университета, с 23 сентября 1914 года по 15 июня 1915 попечитель Виленского учебного округа.

⁴ Щербаков Алексей Иванович (1858–1944) — врач, профессор Варшавского (с 1895) и Новороссийского (с 1908) университетов, попечитель Одесского (с 1908) и Рижского (с 1912) учебных округов.

⁵ И. И. Лаппо имеет в виду коллег по Юрьевскому университету — профессоров-немцев, продолжавших там преподавание и после перехода Юрьевского университета на русский язык обучения.

⁶ Любавский Михаил Кузьмич — см. ссылку 13 к письму от 27.12.1910.

* * *

[л. 20–21]
[6.03.1915]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Вчера мне передал Ф. В. Тарановский¹ Ваше приглашение свидеться у Вас с М. К. Любавским и М. М. Богословским² около 12 числа. К великому

сожалению, не предвижу возможности выехать из Юрьева в Петроград раньше пятницы 13 марта. Распоряжение Министерства о раннем окончании занятий в средних уч[ебных] заведениях заставило крайне ускорить пробные уроки слушателей Педагогических курсов и поставить длинный ряд их на чистой неделе до пятницы включительно. Отменить их — значит, лишить курсистов возможности выполнить требования для получения диплома. Но я надеюсь повидаться с Вами до отъезда в Москву, ибо страстную и святую неделю предполагаю провести в Петрограде. Тогда надеюсь узнать, к чему пришли Вы и Ваши собеседники, и вполне уверен, что не разойдусь в своих мыслях с Вами.

У нас в Университете бед-лам по-старому (хочется верить, что скоро он прекратится с утверждением нового ректора³). Мне пришлось даже подать обширный рапорт и[справляющему] об[язанности] ректора с требованием доложить Совету бумагу М. К. Любавского!

От Вас всё поджидал вестей о результатах заседания Совета Ист[орического] Общества 2 марта. Ф. В. Тарановский сказал мне, что Вы нездоровы. Надеюсь, что серьёзного ничего нет.

От души желаю Вам и Надежде Николаевне всего хорошего.
Искренне преданный Вам И. Лаппо.

Юрьев
6 марта 1915 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тарановский Фёдор Васильевич (1875–1936) — историк права, профессор Юрьевского (1908–1917), Петроградского (1917–1920), Белградского университетов (1921–1936).

² Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) — историк, проф. Московского ун-та (с 1911 г.), зав. кафедрой русской истории, член-корреспондент (1920), академик АН (1921).

³ В 1915–1917 гг. ректором Юрьевского университета был профессор уголовного права Пётр Павлович Пусторослев (1854–1928).

* * *

[л. 24–25]
8.04.1916]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

За последние годы привык бывать у Вас в Светлый Праздник и лично приветствовать с ним глубокоуважаемую Надежду Николаевну и Вас. В этом году я должен праздники проводить в Юрьеве, а потому чувствую душевную потребность, хотя издали, сказать Вам и семье Вашей: Христос Воскресе!

В Петрограде мечтаю быть в двадцатых числах апреля. Тогда, Бог даст, повидаясь с Вами. Живу помаленьку. Праздники нынче вышли тяжеловаты. Причина: возможность призыва сына¹, которая лишила спокойствия жену. А она, как Вы знаете, человек в смысле здоровья вообще, а нервов в особенности [неразборчиво, зачеркнуто. — Л. Д.], мало надёжный. Но для сына действительно получилось положение довольно трудное. Он в декабре получил золотой кружок за сочинение. Теперь надо готовить сочинение к печати, ибо юридич[еский] факультет постановил его напечатать. Надо работать и в то же время думать о поступлении в военное училище. Притом неизвестно, будет ли призыв студентов III–го курса, родившихся в 1895 г. и переходящих на IV курс. А это лишает возможности принять то или другое решение немедленно. Прибавить к этому возобновление у сына временами болезни почек, а временами её большое улучшение, и Вы поймёте, что жена совсем лишилась спокойствия, да и я не могу похвастаться хорошим самочувствием.

Но что делать! Теперь всем нелегко. Дал бы Бог поскорее поколотить изуверов-немцев!

От Василия Григорьевича знаю, что Вы уже давно получили издание Литовского Статута². Как Вы его находите?

Всею семьёю шлём привет Надежде Николаевне, Вам и всей Вашей семье.

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо.

Юрьев

8 апреля 1916 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо Иван Иванович (младший) (24.04.1895 Петербург — 1944?), юрист, сын историка Ивана Ивановича Лаппо. В 1913–1918 гг. студент юридического факультета Юрьевского университета. В 1918 г. бесплатно преподавал в Свято-Исидоровской церковно-приходской школе, находившейся под попечением Приходского Совета Юрьевского Успенского собора, председателем которого был И. И. Лаппо (старший). Продолжил юридическое образование в Праге, доктор права (1935).

² Лаппо И. И. Литовский Статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916. XXX, 393 с. Лаппо И. И. Литовский Статут в московском переводе-редакции // Летопись занятий Императорской Археографической Комиссии за 1915 [так! — Л. Д.] год. Вып. 28. СПб., 1916. С. I–XXX, 1–395.

* * *

[л. 28–29]

4.II.1917

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Наконец отношения университета и Комиссии¹ по делу об архиве Деллагарди² оказались в Юрьеве выясненными. Вчера был Совет, на котором

я и сделал сообщение о ходе всего дела, который был здесь совершенно неизвестен. Дело в том, что до вчерашнего дня никто не знал о ходатайстве Федора Васильевича³ перед Вами и Комиссией, что и послужило источником ряда недоразумений. После моего сообщения Совет постановил принести Комиссии глубокую благодарность и, согласно её желанию, командировать в её распоряжение Замятина⁴, со дня, который она сама назначит. Мне не надо Вам добавлять к этому, что постарался повыпуклее представить всю несуразность первой бумаги Университета — не мог отказать себе в удовольствии заставить постыдиться за сделанное правлением неприличие. В заключение я заявил, что, в виду редкой и исключительной заботы Комиссии об интересах Ун[иверсите]та, я считаю своим долгом предложить графа⁵ к избранию в почётные члены. Об этом уже переговорил с ректором и деканом, и около 20-го февраля внесу предложение в Факультет. Предложение пойдёт не от одного меня — это будет тактичнее по ряду соображений.

Телеграфъ		Телеграмма.										
 Въ С.-Петербургѣ, л. Телеграфнаго Контора Почтамтская, 15.		182 Шофская Маврий Александровъ Кошкинскому										
Изъ <u>Торцева</u>		№ <u>31</u>										
Пришла <u>4</u> / <u>6/35</u> / <u>191</u> г. отъ <u>1631</u> № <u>84/</u> Пришла <u>Сп</u>	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Разрядъ.</th> <th>Счетъ словъ.</th> <th>Плата.</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td></td> <td><u>40</u> ш.</td> <td><u>44</u> ш.</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td><u>34</u> ш. пополу.</td> </tr> </tbody> </table> С л у ж е б н ы й о т ъ ѣ ѣ т ѣ .	Разрядъ.	Счетъ словъ.	Плата.		<u>40</u> ш.	<u>44</u> ш.			<u>34</u> ш. пополу.		
Разрядъ.	Счетъ словъ.	Плата.										
	<u>40</u> ш.	<u>44</u> ш.										
		<u>34</u> ш. пополу.										
<p>Какъ огнень изъ стартъ шихъ учениковъ глубоко уважанаго Сергея Федоровича отъ души присоединяюсь къ кругу русскихъ историковъ сообра- вившихъ сторону около него съ чувствомъ любви и уваженія къ своему ученику синода святого Савватому профессору родного универ- ситета <u>Славно</u></p> <p style="text-align: center;">230</p>												

Архив Д[елагарди] будет переведён в Комиссию⁶. Я на этом настоял особенно потому, что возвращение нашего имущества в Юрьев задержится, а между тем близится таяние снегов, крыша же сарая, в котором ящик хранится, ненадёжна. Конечно, ящик надо будет перетянуть железными обручами.

Замятину, думается, можно выезжать числа 14–15, т. е. сразу после восстановления железнодорожного движения. Когда назначите ему явиться к Вам? Жду от Вас указаний.

Что до меня, то я живу теперь уже в комнате с моею мебелью. Обещают, что со временем получу и целую квартиру⁷. Дал бы Бог, чтобы это случилось поскорее. Если бы Вы знали, как я устал от бивуачного образа жизни!

Не откажитесь передать мой низкий поклон глубокоуважаемой Надежде Николаевне.

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо.

Юрьев Лифл[яндский]. Рыцарская ул. 22.

Василию Григорьевичу⁸ пишу одновременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду Археографическая комиссия.

² *Архив Делагарди* — часть семейного архива шведских государственных деятелей и полководцев Делагарди, хранящаяся в Библиотеке Тартуского университета. Содержит исторические источники по истории Швеции, а также европейской истории в период 1571–1653 (–1695) гг. (Отдел рукописей и редких книг Библиотеки Тартуского университета, ф. 6).

³ Тарановский Фёдор Васильевич — см. выше. Ф. В. Тарановский в апреле 1917 г. стал профессором Петроградского университета. В этот момент он ещё профессор Юрьевского университета.

⁴ Замятин Герман Андреевич (Слободск Вятской губернии 1882 — Пермь 1953) — историк, доктор исторических наук (Москва 1943). Изучал русско-шведские отношения начала XVII в. В 1902–1906 гг. учился на историко-филологическом факультете Юрьевского университета, в 1906 г. перевёлся в Петербургский университет, который окончил в 1907 г. В 1907–1909 гг. учился в Археологическом институте в Петербурге. В 1909 г. предложением попечителя Рижского учебного округа оставлен для приготовления к профессорскому званию при Юрьевском университете. С 23 сентября 1913 г. приват-доцент, с 5 октября 1917 г. доцент Юрьевского университета. В 1918 г. эвакуировался вместе с Юрьевским университетом в Воронеж. В дальнейшем профессор Воронежского университета, а также педагогических институтов в Курске, Волгограде и Перми. Подвергался репрессиям.

⁵ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, гос. деятель, историк, председатель Общества любителей древней письменности (с 1888 г.), Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III (с 1895 г.), Археографической комиссии (с 1900 г.), почётный член АН (1890), почётный член Петербургского университета (с 1913 г.). (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. Отв. ред. С. О. Шмидт; Ин-т славяноведения. — М.: Наука, 2003. С. 290). Из-за последовавших оккупации и эвакуации сведения о дальнейшей судьбе этого предложения не обнаружены.

⁶ В 1915 г. архив Деллагарди вместе с частью имущества Юрьевского университета был эвакуирован в Нижний Новгород. Г. А. Замятин как специалист по архиву Деллагарди, готовивший по нему магистерскую диссертацию, находившийся в предзащитном периоде и нуждавшийся в материалах этого архива, в 1916 г. был командирован в Нижний Новгород для проверки, в каком состоянии находится университетское имущество. Он обнаружил, что условия хранения архива Деллагарди неудовлетворительные. Поэтому архив Деллагарди в 1917 г. был переведен в Петербург в распоряжение Археографической Комиссии, куда и предполагается поездка Замятина, о которой идёт речь в этом и следующем письме. В сентябре три тома архива были доставлены в Юрьев, но из-за внезапного наступления немцев тогда же эти тома были возвращены из Юрьева в Петроград.

⁷ Отступление русских армий на германском фронте весной и летом 1915 г. и стабилизации фронта под Ригой в 1915 г. имели тяжёлые последствия и для города Юрьева, и для его университета. Наиболее ценное имущество университета эвакуировалось по частям в 1915 г. в Нижний Новгород, в 1916 г. в Пермь и в 1917 г. в Воронеж — места, которые в каждый конкретный момент рассматривались как потенциальное место эвакуации университета в целом. Юрьев был наводнён беженцами; сюда эвакуировалось множество государственных учреждений из Риги и ближайшего региона. Начались квартирный, топливный и продовольственный кризисы.

⁸ Дружинин Василий Григорьевич — см. ссылку выше.

* * *

[л. 31–32]
[9.02.1917]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Сегодня получил Ваше письмо и записку. Найти протоколы Совета Петр[оградского] Университета в Юрьеве теперь невозможно, ибо библиотеки нет. Поэтому я особенно рад Вашей посылке и очень Вас за неё благодарю. Надеюсь, что через несколько дней выработаю текст своего предложения, которое согласно предварительным переговорам, по-видимому, будет внесено от имени четырёх членов Факультета — русских историка, словесника и лингвистов (кроме меня — Петухов¹, Ильинский² и Кудрявский³). Боюсь, однако, что в Совет попадёт лишь в начале марта — так, как жется, подойдёт время заседания.

Что до Замятина, то я послежу, чтобы он попал в Петроград или до Вашего отъезда в Москву, или же в начале 20-х чисел. Но не лучше ли бы было ему печатать под Вашей редакцией, как Вы предлагали раньше? Ваши указания были бы ему так нужны, и качества издания, конечно, были бы выше⁴. Не уверен я в том, что типография Маттисена⁵ возьмёт новую работу. О том, чтобы Замятин уклонился от переговоров с Майковым⁶, уже передал.

Искренне преданный
и уважающий Вас И. Лаппо.

9.II.1917
Юрьев.

С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. Отв. ред. С. О. Шмидт; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2003. С. 294.)

* * *

[л. 33–34]
[6.02.1918]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Уже около месяца я в Юрьеве, и хочется подать Вам весть о себе и получить известия о Вас и Архиве, с которым сроднился. Как переживаете Вы безвременье лихолетья и что творится с Архивом, а особенно с уложенными мною ящичками и библиотекой? Болит душа за сокровища, над которыми работал и цену которых узнал во время их разбора. Чем дальше, тем больше чувствуешь тяжесть своей оторванности от П[етрогра]да, ибо «идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше»¹.

Знаю, что теперь в П[етрогра]де отчаянно скверно. Неважно становится и у нас, хотя в первое время по приезде можно было в Юрьеве даже отдохнуть от обстановки жизни в «колыбели великой русской революции», как любят выражаться «товарищи». Улицы чистятся, хлеб был, озлобленных лиц было не видно. Последние недели две изменили положение. Немцы² были объявлены вне закона. Масса арестов и обысков. Реквизиция припасов и захват золота и денег (свыше тысячи рублей деньги отбираются). Пострадали и немцы-профессора, а по недоразумению и некоторые русские. Так у Граве³ были захвачены 100 тысяч с лишком (деньги ему потом вернули за исключением трёх тысяч, которые пропали). Все живём в ожидании обысков. Лично я пока не был этим валом мути задет. По-видимому, спасала некоторая привычка ко мне местного общества как к старому профессору, поработавшему для Университета и местной школы. Но не надеюсь на то, что долго⁴ это защитит меня надолго. Душою отдыхаю в аудитории (читаю двойное количество лекций, возмещая осенний семестр). Студенты мои выше похвалы. Как будем жить дальше, не знаю. Появление немецких касок весьма возможно⁵.

Шлю душевный привет Надежде Николаевне, Вам и всей Вашей семье.

Искренне Вам преданный и уважающий вас И. Лаппо.

Юрьев. Рыцарская ул. 22.

6. II. 18

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новый Завет, Мф: 6, 21.

² Имеются в виду российские подданные.

³ Граве Платон Платонович (1869–1919) — профессор математики Юрьевского университета 1898–1918. В 1918 г. эвакуировался с Юрьевским университетом в Воронеж, где в 1918–1919 гг. был профессором Воронежского университета.

⁴ Слово «долго» зачёркнуто.

⁵ Письмо написано практически накануне оккупации: Юрьев был оккупирован войсками кайзеровской Германии 24 февраля 1918 г.

* * *

[л. 35]

Почтовая карточка

[Дата штемпеля]

Петроград 12.5.18

[Адрес]

Петроград

Сергею Феодоровичу Платонову

Каменноостровский просп[ект] 75

26.IV. 9.V.18

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Христос Воскресе!

Пользуюсь okazjiей послать Вам привет и дать о себе весть. Тяжело жить под властью завоевателей! Если выпустят и если узнаю, что в Петрограде можно жить, мечтаю во второй половине мая туда двинуться. Как Вы и что с Архивом? Если черкнёте письмецо, очень обрадуете. Его мне доставят, если направите сразу надежному юрьевцу по адресу Н. П. Ленкину¹ — Каменноостровский пр[оспект] 29, кв. 26 (М. Г. Стояновского²) для И. И. Лаппо. Положение русских служащих и университета страшно трудное. Идёт явная ликвидация, а мы не имеем никаких сообщений от нашего «правительства». Пока живы. Ваш И. Лаппо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленкин Николай Петрович (1891–?) — студент-химик Юрьевского университета (ИАЭ.2100.1.7435; ИАЭ.1979.1.171.; Tartu ülikooli üliõpilaskonna teatmik. Kd. 1. 1889–1918. Tartu, 1986. Lk. 226).

² М. Г. Стояновский — неустановленное лицо.

Письма из Воронежа 1918 г.

* * *

[л. 36–37]

Воронеж

Пятницкая ул[ица] 10.

28 сент[ября] (11 окт[ября]) 1918 г[ода]

Дорогой и Глубокоуважаемый Сергей Феодорович!

Давно собирался писать Вам (в Воронеже уже с 12/25 июля¹), но сначала хлопоты по устройству на новом месте жизни не давали возможности сесть за письмо, а потом всё думал о личном свидании с Вами, ибо с неделю

на неделю откладывал задуманную и необходимую поездку в Петроград, и только теперь вижу, что она должна быть отложена на значительный срок. Из Юрьева писал Вам не раз с случаями, т. к. после оккупации пользоваться почтою было нельзя. Не знаю, доходили ли до Вас мои письма. Что Вам рассказать о себе теперь? Пережить пришлось так много, что не знаю ни с чего начать, ни что выделить из пережитого для рассказа. В Юрьеве после кануна вступления немцев (я в числе представителей интеллигенции был предназначен к убийству) наступила эпоха Ordnung², как её именовали сами новые военные власти. Но сколько горечи и сколько унижения в эту эпоху! Открытое гоненье на всё русское, в строгой системе и нескрываемом презрении. Русский Университет был закрыт с середины мая совсем³. Уничтожалась и русская школа вообще. Балтийские немцы «сорвали с себя маски», по их собственному признанию в печати и в проповедях пасторов, и, повесив на свои дома имперские германские флаги, повели в⁴ решительную борьбу со всем русским военными властями, которые не смогли не подчиниться руководству этих господ. Отъезда в Воронеж мы ожидали при таких условиях с нетерпением и с боязнью невыпуска нас немцами как заложников и предмет обмена на библиотеку и имущество Университета, эвакуированные из Юрьева. 4-го июля⁵, однако с поездом, присланным из «России», двинулись в путь, в товарных вагонах. Восемь дней пути, кажется, были лучшим временем для меня за все последние месяцы. С открытою дверью вагона, на своих креслах, среди своего скарба, ехали как бы своим домом. Было тесновато (16 человек) в вагоне, но не было с нами ни больших забот, ни немцев,

а к опасностям и случайностям уже была привычка. По приезде в Воронеж трудности жизни заставили не раз вспоминать дорогу (но не Юрьев!). Квартир нет. Живём в комнатах, причём «уплотнение» доведено до того, что комната полагается не больше⁶ меньше, чем на двух человек. Только врачам даётся лишняя комната. Цены на всё растут не по дням, а по часам. Размера петроградских, по-видимому, не достигли, но высоки достаточно. Но главное зло — различные декреты, которые сыпятся словно из рога изобилия: декреты о выселении «буржуев» на окраины без права взять с собою своё имущество, обыски и т. д. и т. д. Университет не открывался ещё, но готовится к открытию⁷. Работать крайне трудно — живём семьею в двух комнатах. Жена устала и исхудала страшно. Похудели и все. Несколько забываюсь в занятиях в Архивной Комиссии. Как переживаете Вы теперешние времена? Что с Архивом Министерства? Очень обрадуете, если найдёте время для нескольких строк мне. Надежде Николаевне шлю мой душевный привет.

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эвакуация Юрьевского университета в Воронеж состоялась 17 июля и 31 августа 1918 г. двумя поездами.

² В 1928 г. И. И. Лаппо в своих воспоминаниях так писал об условиях жизни в период оккупации Юрьева кайзеровскими войсками: «„Die deutsche Macht ist Ordnung“, — провозгласили германские власти. Но этот „порядок“ так часто превращался в каприз германского лейтенанта» (Лаппо И. Памяти протоиерея о. М. Блейве. С. 17).

³ 31 мая 1918 г. деятельность Юрьевского университета была официально прекращена. (Tartu ülikooli ajalugu. Kd. 2. 1798–1918. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. Lk. 319).

⁴ Предлог «в» зачёркнут.

⁵ 17 июля нового стиля.

⁶ Слово «больше» зачёркнуто.

⁷ Учебные занятия в Воронежском университете начались 12 ноября 1918 г.

* * *

[л. 38–39]

Воронеж

16 (29) дек[абря] 1918 г[ода]

Глубокоуважаемый и Дорогой Сергей Феодорович!

Стороною узнал, что просьба моя, с которой к Вам обращался довольно давно (о получении охранных листов для моего имущества), встретила у Вас отклик, и Л. И. Полянская¹ доставила документ на мою петроградскую квартиру. Теперь, по крайней мере, за то, что мне пришлось оставить

там, могу беспокоиться меньше. От души благодарю за это Вас и тех, кто действовал по Вашему слову. Из них пока знаю одну Лидию Ивановну. Что делается у меня в Сестрорецке², пока не знаю. Одновременно с этим письмом к Вам, с тою же оказией, посылаю письмо и туда.

Что Вам сказать о жизни в Воронеже? Увы, хорошего сообщить не могу ничего. Главное здание Ун[иверсите]та (бывший Кадетский Корпус) захвачено красноармейцами и уже обращено ими в свальное место для нечистот. Невольно удивляешься таланту, с которым это делается, а также вкусам и привычкам этих троглодитов. Комнаты, в которых они спят, и коридоры уже через день оказались и их уборными, в буквальном смысле. Можно себе представить, что теперь, через месяц после вступления в здание доблестных красноармейцев, там происходит. Настроение в городе подавленное: выселения из квартир, отсутствие дров, реквизиции, расстрелы и прочие прелести современной жизни осчастливленной России. Знаете, мне временами становится очень жалко бедного Маркса. Что сказал бы он теперь о тех, кто называет себя его адептами. Но в Воронеже есть и ещё повод пожалеть его. Во время октябрьских торжеств на площади III Интернационала (так теперь именуется Кадетский плац) поставили лобастый бюст с большою бородою, заявив, что это бюст Маркса. Стоял он гордо на эстраде, освещаемый по ночам электричеством и охраняемый солдатом. Но с месяц тому назад рабочие, во время обучения их военному строю, с непочтительными возгласами свергли «дедку» с пьедестала, обломали ему нос, а затем разбили.

Душевный привет Надежде Николаевне и всем Вашим.

Искренне преданный и уважающий Вас И. Лаппо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полянская Лидия Ивановна — сотрудник ЛО ЕГАФ.

² Сестрорецк, Крестовская улица, дом Лаппо — один из трёх домов жены И. И. Лаппо, где семья проводила летние каникулы. См., напр.: Письма профессора И. И. Лаппо И. Я. Спрогису из Юрьева (1906–1912). Публикация и комментарий Л. В. Дубьевой // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2005. С. 403–404.

Подготовка публикации и комментарии Л. В. Дубьевой

Выражаем признательность родственникам И. И. Лаппо В. Д. Чебанову, С. В. Чебанову и Е. Г. Поповой-Яцкевич за посредничество и консультации при подготовке писем к публикации.